

Сияющая девушка (1).

"Джек, она не может поехать к своим бабушке и дедушке. Она сказала, что не может жить с ними, потому что она - смешанной расы. И поскольку расовая чистота так важна для японцев, она фактически изгой, ей нет места в их семье, и они не могут и не хотят заботиться о ней; это опозорило бы их. Она напугана тем, что они могут с ней сделать, и она просит, нет, умоляет, чтобы ты, ее "уважаемый старший брат", теперь присмотрел за ней".

Я был потрясен; я никогда не слышал ничего более средневекового и нелепого. Я на секунду задумался.

"Мистер Симпсон, мне нужно поговорить с моей матерью. Очевидно, я не могу оставить ее здесь одну. Насколько сложно было бы получить визу для нее, чтобы она могла поехать со мной в Великобританию?"

Он улыбнулся.

"Нет проблем, ваш отец зарегистрировал ее как гражданку Великобритании, когда она родилась. Я позабочусь о выдаче ей паспорта, чтобы она могла поехать с вами уже завтра, если бы до этого дошло. На самом деле, я мог бы заставить вас взять ее, назначив вас в ее опекуны; технически, она гражданка Великобритании и несовершеннолетняя, попавшая в беду, а вы ее ближайший родственник, но я не думаю, что до этого дойдет, не так ли?" - испытующе спросил он меня.

Я обнял сестру, прижал к себе ее маленькое тельце и улыбнулся ей, пытаюсь передать уверенность и утешение.

"Мистер Симпсон, пожалуйста, передайте ей в точности то, что я говорю", - он кивнул в знак согласия.

"Теруко, ты моя младшая сестра, и я беру тебя с собой в Англию, там ты будешь в безопасности с моей семьей. Мы будем заботиться о тебе, теперь ты будешь частью моей семьи".

Симпсон коротко поговорил с ней; она внимательно выслушала, обняла меня и встала, чтобы снова поклониться, еще раз сказав что-то почти ритуальное по своей формальности.

Симпсон улыбнулся: "Она сказала: "Большое тебе спасибо, уважаемый старший брат!" Теперь, если вы хотите позвонить домой, вам, вероятно, следует сделать это сейчас же; у нас здесь на девять часов раньше, чем у вас, так что в Англии сейчас около семи утра. В столовой есть телефон, если вы хотите немного уединиться. Международный код - 0044. Он набирается перед номером, и это защищенные линии, если вас что-то беспокоит".

Я позвонил домой и сообщил маме, что я уже сделал, и что мне придется привезти Теруко к

ней домой. Мама еще немного поплакала (думаю, то, что я откровенно рассказал ей о том, что мне теперь приходится делать, действительно заставило ее осознать, что папа мертв и ушел навсегда). Возможно, они с отцом были в разводе много лет, но все еще любили друг друга. Они просто не были влюблены, и вдобавок считались старыми друзьями, поэтому факт его смерти сильно ударил по ней.

Я сказал ей, что, вероятно, случится с Теруко, если я оставлю ее здесь одну, и что я вроде как пообещал присматривать за ней, и мама согласилась: цивилизованный мужчина не бросит ребенка на произвол судьбы. Впервые в жизни она сказала мне, что действительно гордится мной, и это заставило меня почувствовать себя хорошо. Она также отметила, что дедушка был бы доволен - Теруко была внучкой его самого старого друга, и он с радостью поддержал бы нас, если бы мы приняли ее в нашу семью.

Группа консульских служб согласилась организовать похороны отца и Сэцуко и пообещала, что они свяжутся с опекуном Теруко (полагаю, со мной) или ее доверенными лицами по поводу пенсии отца, состоящего на государственной службе, пособий в связи с его смертью на службе, а также его имущества и пожитков. Поскольку мне, брату Теруко было больше 18 лет, генеральный консул, не теряя времени, назначил меня ее законным опекуном и передал ее на мое попечение.

Посещение дома моего отца вместе с Теруко было странным и жутковатым опытом. Несмотря на то, что у меня не было реальных воспоминаний об отце, ощущение его присутствия было повсюду - от его бритвенного набора, разложенного в ванной, до того, что, очевидно, было его любимой кофейной кружкой, стоящей на кухонном столе, и до беспорядочной свалки из ключей, монет, запонок и других принадлежностей на подносе на его комод.

Теруко хотела взять свою одежду, и я помог ей упаковать сумку с удивительным количеством футболок "Хелло Китти" и "Кероппи", ветровок и пластиковых дождевиков, хотя я захватил для нее пару курток; Англия может быть холодной и сырой, непредсказуемой даже летом...

Она набила другую сумку стопкой фотоальбомов своих матери и отца и какими-то семейными сувенирами. Бедная маленькая Теруко была вся в слезах к тому времени, как мы уехали. Это был ее дом, но ее родители никогда не вернуться, и ее везут в чужую страну. Я не винил ее за то, что она плакала. Честно говоря, я и сам к этому времени чувствовал себя довольно паршиво; я никогда по-настоящему не пытался наладить контакт со своим отцом, а теперь и вовсе не мог.

Она держала меня за руку всю обратную дорогу до резиденции, слезы текли по ее лицу, и все, что я мог сделать, это погладить ее по руке...

Когда мы вернулись, то поужинали с Симпсонами, а затем миссис Симпсон отвела Теруко в ее комнату и уложила спать. Меня провели в другую комнату для гостей, где я вскоре обнаружил, что не могу уснуть. События дня снова и снова прокручивались в моей голове. Я несколько часов ворочался с боку на бок, прежде чем, наконец, включил прикроватную лампу и достал из своей дорожной сумки книгу. Едва я начал читать, как раздался легкий стук в дверь. Я открыл. За дверью стояла Теруко в ночной рубашке до пола, с глазами, блестящими от непролитых

слез, выглядящая маленькой и уязвимой. Я жестом пригласил ее войти, и она вошла и села на мою кровать с дрожащими губами. Я сел рядом с ней и попытался вытереть ей глаза, но она уткнулась лицом мне в плечо и заплакала.

Я не знаю, как долго мы так сидели, но, наконец, ее слезы высохли, и она обняла меня. В какой-то момент она решила, что хочет поговорить, и она просто говорила и говорила - бесконечный поток рифленных, текучих слогов, повышающихся и понижающихся по тону, выразительных и мелодичных. Японский язык состоит из девяти тонов, и постоянно меняющаяся тональность фраз была музыкальной и гипнотической. Я начал улавливать слова "Ха-ха" и "Чи-чи", обозначающие мать и отца, поэтому я понял, что она рассказывает мне о своих родителях. Ее монолог продолжался и продолжался. Очевидно, ей было, что мне рассказать, и я был очарован и наполовину загипнотизирован, слушая ритм ее речи. Конечно, я не мог понять, что она говорила, поэтому начал сам придумывать истории для себя о том, что она рассказывала мне, о ее родителях, школе, семейных каникулах и ее друзьях.

Время от времени она останавливалась, чтобы вежливо зевнуть, и я поудобнее усаживался на своей кровати, прислонившись к спинке, обложившись подушками, а Теруко прижималась ко мне, когда я обнимал ее. Она продолжала говорить, но теперь медленнее, очень мило зевая, ее речь становилась нечеткой...

Должно быть, мы заснули вместе, и я проснулся, обнаружив, что она крепко спит рядом со мной. Ее рука обхватила мою руку, когда она свернулась калачиком у меня под мышкой. Во сне она выглядела еще моложе, ее нижняя губа была очаровательно выпячена, и я почувствовал волну сострадания к ней и печали. Никто не должен был пережить то, что с ней случилось; что бы с ней произошло, если бы я не появился, кто бы забрал ее, куда бы она пошла? Я содрогнулся при этой мысли; по крайней мере, со мной и мамой, и с бабушкой в качестве прикрытия, она была в безопасности.

Похороны состоялись неделю спустя в католическом соборе в Осаке. Мой отец и его жена были похоронены на кладбище Мемориал Парк Уривари, неконфессиональном кладбище для межконфессиональных и несинтоистских захоронений. Это было странное, почти сюрреалистическое переживание. Мать не смогла присутствовать, ее служебные обязанности не позволяли этого, и единственными другими скорбящими были сотрудники консульства, которым было приказано присутствовать там, плюс несколько отставленных чиновников различных иностранных представительств, поверенных в делах и консульств в Осаке. Мы получили краткое пробормотанное соболезнование от британского посла из Токио и телеграмму с Даунинг-стрит, 10, и на этом все.

После этого, казалось, нам ничего не оставалось делать, кроме как вернуться домой, возродить Теруко к новой жизни и надеяться, что она сможет приспособиться к новой стране, новому языку и обычаям, а также к совершенно иному окружению. Она казалась смирившейся, она знала альтернативу, которая ждала ее в Японии без семьи, которая могла бы защитить или приютить ее.

Мама встретила нас в Хитроу с длинным ватным пальто и мягкими теплыми перчатками для Теруко; погода испортилась, и было больше похоже на позднюю осень, чем на позднее лето. Она смогла поддержать прерывистый разговор с Теруко, ее давние воспоминания о японском постепенно пробуждались теперь, когда она снова разговаривала с носителем языка.

Было темно, когда мы, наконец, вернулись домой в Шропшир. Глаза Теруко расширились от удивления при виде размеров дома, количества комнат, величины кухни и ванных. Она была немного обескуражена тем пространством, которое у нас было, поскольку дома в Японии, если вы не очень состоятельны, маленькие, компактные и жмутся друг к другу. Наш дом, одиноко стоящий в окружении садов, должно быть, казался ей невероятно огромным после квартиры в Осаке.

Мама приготовила рыбу с рисом на пару, мисо-суп и лапшу Рамэн, чтобы создать для Теруко домашнюю атмосферу, и разогреть еду к ужину заняло совсем немного времени. Теруко ела молча, отвечая на маминь вопросы, но не задавая своих. Когда она зевнула, мама спросила ее, не хочет ли она сейчас поспать, и когда девушка кивнула, мама пошла показать ей ее комнату. Девушка была на полпути вверх по лестнице, когда остановилась и оглянулась на меня, что-то говоря.

Я вопросительно посмотрел на маму, которая улыбнулась мне.

"Она просит тебя пойти с ней, она называет тебя "онии-сан", это означает "старший брат". Ты должен называть ее "имото", это означает "младшая сестренка". Это гораздо менее формально, чем постоянно использовать ее полное имя".

Я последовал за ними наверх и показал Теруко ее комнату; она снова широко раскрыла глаза от того, сколько места ей предстояло занять. Я показал ей, как работает старая душевая кабина в семейной ванной и где находится моя комната на случай, если она испугается или запутается. Мама переводила, как могла. Как только сестра устроилась, я откланялся. Это был долгий перелет, за которым последовала долгая поездка, и я был измотан, поэтому отправился спать.

<http://tl.rulate.ru/book/406/3900>